

4. Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология, М., 1961, с. 407—416.  
5. Володин А. П., Храковский В. С.

Об основах выделения грамматических категорий.— В кн.: Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977, с. 42—54.

**Гаҗипов Т. М.** Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. — М.: Наука, 1979. 304 с.

Создание сравнительно-исторической грамматики тюркских языков — одной из важнейших задач современной тюркологии — подготавливается усилиями многих тюркологов, работающих в области сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного изучения указанных языков. Эти исследования развертываются в разных направлениях: сравнительно-историческое изучение крупных подсистем языка, охватывающее все тюркские языки; глобальное сопоставление всех подсистем в рамках отдельных ареалов; монографическое описание отдельного языка на фоне общетюркских сопоставлений; изучение отдельных явлений языка в сравнительно-историческом освещении (наиболее распространенный тип работ) и, наконец, тотальное сопоставление двух близкородственных языков, образующих своего рода микроареал или одну из конечных подгрупп в генетической классификации тюркских языков. Исследований последнего типа в тюркологии практически нет. Первым опытом такой работы выступает рецензируемая книга Т. М. Гаҗипова.

Несмотря на достаточную изученность татарского и башкирского языков каждого в отдельности, в сравнительно-исторической тюркологии еще не дан ответ на вопрос о причинах их обособления из той подобности, которую принято называть кыпчакской, а также еще не раскрыта степень их структурной близости, обусловленной либо генетическими факторами, либо конвергенцией несходного материала. Рассмотрение указанных проблем и составляет основную задачу данной работы.

Рецензируемая книга состоит из Введения (с. 3—60), в котором рассматриваются проблемы, возникающие при попытке воссоздать историю кыпчакских языков — их значительные расхождения в отдельных подсистемах, недостаточность письменных источников и подчас неоднозначность их кыпчакской атрибуции. Во Введении раскрываются также цель и методика исследования, определяется объект исследования (письменные памятники и фольклорные и диалектологические данные), обосновывается способ подачи языкового материала (сама система трансграфии предшествует Введению — с. 5—7). Введение содержит социолингвистическую характеристику современных кыпчакских языков,

а также краткий очерк этнической истории кыпчаков (с. 49—60). Часть I работы («Фонемика» — с. 61—254), которая ставит своей основной задачей освещение исторического развития консонантизма и вокализма башкирского и татарского языков, включает анализ всех основных звукотипов при учете их многочисленных аллофонов. Часть II («Элементы сравнительной морфемики» — с. 255—257) кратко излагает результаты сопоставления морфологических структур исследуемых языков, которые дают возможность говорить в основном лишь о морфо-фонетических различиях. Заключение (с. 258—272) содержит диахронические выводы, выстроенные в виде относительно-хронологической периодизации языкового состояния урало-поволжского ареала.

Историческое кыпчаковедение, которое до сих пор строилось в основном на данных письменных памятников, не могло решить вопрос о связи этих источников с современными кыпчакскими языками. В этих условиях принципиально важной кажется опора на диалектный материал, и вполне можно согласиться с автором данной работы в том, что «для изучения прошлого новокупчакских языков наиболее надежными продолжают оставаться их собственные источники — в первую очередь — диалектологические» (с. 17). Таким образом, синхронический анализ башкирского и татарского языков, охватывающий огромный диалектологический материал, выступает в работе и как первый этап реконструкции предшествующего состояния — периода распада урало-поволжской кыпчакской подобности. Вместе с тем он дает возможность установить и более далекую ретроспективу этапов расчленения пратюркской языковой общности. Акцент в работе сделан на первой из указанных проблем, хотя несомненно представляют интерес идеи автора о членении пратюркского состояния на этапы на основе их фонологических характеристик и выделении собственно тюркской эпохи с древне-, средне- и новотюркскими периодами. Проявляя научную осторожность, автор более определенно характеризует среднепратюркскую эпоху, отмечая для нее сосуществование глухих и звонких аллофонов в аплауте, становление ламбдаизма-сигматизма и ротацизма-зетапизма как дифференцирующих признаков для отдельных частей праязыковой общности,

начало расхождения по призыву *ä* — *e*. К позднетюркскому автор возводит распад на отмечаемые ныне классификационные зоны, отнеся к нему широкую аллофонию по всем фонемам, унаследованным современными тюркскими языками. По мысли автора, с собственно тюркской эпохи с ее подразделениями на древне-, средне- и новотюркское время становится возможным рассмотреть этапы языкового состояния кыпчакской урало-поволжской языковой общности. На основании обширного диалектологического материала, используя приемы сравнительно-исторического, ареального и типологического исследования, автор приходит к выводу о том, что различные исследуемые языки являются отражением тех диалектальных различий, которые существовали еще в эпоху тюркского праязыка. В дальнейшем эта дивергенция была усилена воздействием факторов ареального характера. В работе предложена периодизация кыпчакской урало-поволжской общности, учитывающая результаты контактирования местных языков Урало-Поволжья с начавшимися с I тыс. н. э. тюркскими наслоениями. Так, Булгарский племенной союз (II—IX вв. н. э.) оставил первый мощный тюркский пласт, унаследованный чувашским, частично заимствованный венгерским и выявляемый в татарском и башкирском языках (ср. лексический материал на с. 264). Это позволяет автору считать более конструктивной идею о разномасштабном, но параллельном наличии булгарского пласта в становлении всех трех тюркских языков этого региона — чувашского, татарского и башкирского. Имевшее место некогда огузо-кыпчакское контактирование, языковые последствия которого еще не получили четкой концепции в современной науке, по мысли автора, не было существенным для языков Урало-Поволжья. Более значимым по своим последствиям (ср. положение с *и* и *ь* в башкирском) было влияние сибирских языков (с. 271). Решающим этапом в развитии языков Урало-Поволжья стала кыпчакская этноязыковая экспансия, начавшаяся в VIII в. На период XIII—XIV вв., по мнению автора, приходится кардинальная перестройка местных тюркских наречий, исключая чувашское, на кыпчакской основе, приведенная в XV—XVI вв. к становлению общенародных башкирского и татарского языков (с. 267). Именно период XIII—XIV вв. в работе рассматривается как период качественных преобразований в структуре, прежде всего фонологической, данной языковой подобности, когда сложились, видимо, под стимулирующим воздействием иноязычного субстрата сужение гласных, а также некоторые консонантные различия, специфичные ныне для татарского и башкирского языков на фоне других кыпчакских языков. Вместе с тем этот и последующие периоды отмечены и тесным контактированием исследуемых языков, что при-

водит к образованию переходной зоны между двумя языками. Основываясь на принципиальном разграничении истории языка вообще и истории литературного языка, автор приходит к дифференцированной периодизации кыпчакских языков Урало-Поволжья с точки зрения исторического сосуществования их устных и письменных форм, а также с точки зрения ведущих письменных традиций на протяжении их истории.

Исследование, предпринятое в данной работе, построено прежде всего на анализе фонетических систем башкирского и татарского языков. Хотя краткость раздела морфемики и является явным недостатком рецензируемой книги, следует заметить, что сопоставление близкородственных языков, опирающееся на диалекты, закономерно должно акцентировать фонемный аспект, поскольку именно здесь могут быть получены результаты, наиболее интересные для выявления межязыковых совпадений и расхождений. Приходится согласиться с мнением автора об отсутствии осязаемой разницы между морфологическими структурами татарского и башкирского языков, хотя, думается, эти различия могут быть и скрыты от глаз исследователя, так как выявляются подчас не столько в разном инвентаре, сколько в функциональной организации отдельных морфологических подсистем.

Внимание в работе сосредоточено на выявлении звукотипов и их многочисленных репрезентаций практически по всем диалектам и говорам сопоставляемых языков. Такое обобщение в кыпчакведческой литературе делается впервые. Уяснение весьма нестрой картины аллофонии организовано через разграничение базовой и постфиксальной фонемки, а также через более дифференцированное представление о позиции слога в слове и соответственно звука в каждом слоге. Следует отметить четко проводимое в работе разграничение совпадений, чередований (в одной и той же языковой подобщности) и соответствий (в разных). Для многих звукотипов установлена высокая степень взаимозамещений. Установление формул чередований и соответствий каждого звукотипа с учетом частотности аллофонии и ее позиционного проявления является базой для диахронических заключений о характере и направленности изменений. Так, ареальный диапазон и количественное проявление варьирувания аналутного *n*-/б- в урало-поволжской зоне позволяет автору постулировать исконность существования *n*-/б- для общекыпчакского состояния как репрезентации единой «бифонемы». Вместе с тем отсутствие живого чередования *б*-/*н*- при наличии аналогичных соответствий позволяет говорить и о завершающемся разграничении частных фонологических систем исследуемой зоны (с. 86). Широчайший ряд чередований и соответствий, например, фонемы *з* в разных позициях с соглас-

ными почти всех основных разрядов дает новый аргумент в пользу пейсционности этого звука в урало-поволжских языках (с. 123). Хотя, впрочем, сам этот аргумент не столь бесспорен, так как многочисленные соответствия могут быть отмечены и для «старых» фонем типа татар. *c* (с. 118). Спорная проблема о начальном *й-ж-* дополняется новыми диалектными материалами. Дается, например, полная сводка совпадений татар. и башк. анлаутного *й*, которые не имеют параллелей с *ж*, что говорит о самостоятельном происхождении *й-* в рассматриваемом регионе (с. 159). Новые мысли содержит работа относительно фонематичности гортанной смывки и отнесении ее к более раннему периоду (не позже X в. — с. 173). Следует отметить вывод автора о хронологически более глубокой границе сужения гласных, чем это было принято до сих пор (по традиции, идущей от В. В. Радлова, позже XIV в.).

Исходя из современных фонологических представлений, широкий диапазон чередований и соответствий автор интерпретирует через понятие аллофонии преимущественно в его функциональном значении, что несколько расходится с вводным понятием аллофона на с. 62, которое основывается скорее на материально-звуковом сходстве. Если на синхронном срезе более существенным представляется функциональное тождество материально несходных аллофонов (устанавливаемых в пределах одной морфемы), выстраиваемых в последовательный ряд по убывающей частоте чередующихся аллофонов, то в диахронии формула чередующихся аллофонов это лишь указание на возможность развития звука. Такая формула, как нам кажется, не разграничивает того, что подобная аллофония могла сложиться и как результат нерелевантности признака некоей исходной фонемы («полифонемы»), и как результат последовательности материально-звуковых переходов. Так, например, формула изменений для *b — n, m, ʋ, w, ʕ, ɸ, h, ʒ?* — с. 86 ничего не говорит о том, могло ли *b > ʋ* возникнуть без промежуточных звеньев. Признак убывающей частотности в формуле в имплицитной форме содержит направление расхождения исторических аллофонов фонемы по характеру тех оппозиций, в которые она входила. Если мы правильно поняли автора, сведение практически всей аллофонии на синхронном срезе в формулы изменений означает, что всякий аллофон может быть интерпретирован как тип изменения, хотя, вероятно, это не всегда так. В соответствиях могут отражаться разные аффиксы, на что указывает и автор (ср. татар. лит. *тырна* «царапина»: башк. диал. *тырт* «щетина» — с. 81). Поэтому формула может не отражать разные источники такого соответствия. Думается, что идея количественного исчисления аллофонии несколько затемнила ее интерпретацию, так как формула не всегда дает возможность понять соот-

ношение универсального и окказионального. Однако в целом следует отметить повизну подобного приема в тюркологических исследованиях, ибо формулы, в которые сведено огромное количество фактического материала, дают возможность увидеть направление качественных изменений и обосновать таким образом историческую вероятность эволюции фонемы как фонологической единицы.

Интерпретация постфиксального вокализма четко разграничивает фонологическую и материально-звуковую сущность репрезентантов фонемы, в отношении консонантизма позиция автора не столь убедительна. Если для выделения «бифонем» *k — ʔ* и *p — ɣ* устанавливается критерий их автоматической альтернации (т. е. учитываются условия их реализации), то в отношении, например, дентальных такие позиционные условия во внимание не принимаются. Так, например, в *корташ* «соратник» и *йулдаш* «спутник» (с. 181) мы должны видеть в одном случае одну фонему (*ɣ — a*), в другом — две (*m* и *ð*). Внимание к фонемике заслонило, на наш взгляд, традиционное освещение постфиксального вокализма и консонантизма в терминах фонетических закономерностей (ассимиляции, диссимиляции и др.), что не раскрыло динамики в развитии ряда явлений, например, губного сингармонизма. С другой стороны, осталось неясным, была ли связана аллофония постфикса с его категориальным характером. Скажем, указание на делабиализацию аллофона *o* в татарском и его говорах (типа *тотор* «поймает» в противоположность башк. *тотор* — с. 247), возможно, не учитывает сохранение nelaбиализованной формы аффикса в татарском и сохранение лабиализованной формы в башкирском как отзвук былой семантической противопоставленности аффиксов (в принципе это гипотеза, но сама постановка такого вопроса, как кажется, правомерна).

В рецензируемой работе проблема фонетического статуса старых и новых взаимодействий отражена в выделении особых фонологических единиц, что значительно увеличило общий фонемный состав обоих языков. Хотя такая постановка вопроса, очевидно, дискуссионна, она интересна в плане лингвистического прогнозирования и социолингвистических аспектов развития фонетических систем сопоставляемых языков.

Нельзя не признать, что данные исследования Т. М. Гарниова имеют значение для классификации тюркских языков в части рубрикации языков кыпчакской группы. По признакам фонетической структуры, по мнению автора, можно было бы разграничивать собственно кыпчакский (восточно-кыпчакский) и западно-кыпчакский, сближающийся с огузскими языками по типу вокализма. Вызывает сочувствие идея автора о выделении так называемой «трансграфики» для старописьменных текстов, предусматривающей обозначение однопорядковых знаков

графическими соответствиями (скажем, для арабских букв «сив» и «сад» соответственно с и С), а также введение диакритик и небуквенных обозначений. Это позволит однозначно представить буквенный состав арабографического текста, что для целей последующей транскрипции и лингвистического анализа имеет важное значение. С другой стороны, это предотвратит осовременивание текста, что нередко наблюдается в изданиях памятников.

Некоторые детали работы вызывают сомнения. Так, для возникновения  $\zeta$ , очевидно, следует допустить разные возможности. Если исторически он, по-видимому, возник из сочетания  $n + \varepsilon // n + \varepsilon$ , то возможен и вторичный процесс:  $n < \zeta$ . Примеры, приводимые автором на с. 190 для доказательства  $\zeta < n$  (генитив местоимений в диалектах типа *анын* «его»), думается, иллюстрируют вторичный процесс (ср. то же в огузских памятниках). Вызывает сомнение булгарская атрибуция конструкции *-асы килэ* «хочется ч.-л. сделать». Обще тюркская синтаксическая модель в части глагольного имени имеет здесь огузо-кыпчакскую форму.

Передача дееспричастного -л в средне тюркских текстах через арабское «ба» получается неясное толкование «исторического чередования» (с. 177).

В целом работу Т. М. Гаршиова следует оценить как определенный этап в развитии кыпчакведения и шире — в историко-сопоставительной области тюркологических исследований. Ее несомненными достоинствами являются четкие критерии отбора фактической базы исследования, диалектный материал как главная опора диакронических выводов, плодотворное приращение идей и методов современного языкознания, комплексное использование принципов сравнительно-исторического, структурного и ареального исследования, разумная осторожность в отношении к реконструкциям предшествующих состояний изучаемых языков.

Работа Т. М. Гаршиова несомненно является полезным вкладом в развитие сравнительно-исторических и сравнительно-сопоставительных исследований в тюркологии.

Грунина Э. А.

Андронов М. С. Сравнительная грамматика дравидийских языков. — М.: Наука, 1978. 466 с.

Рецензируемая книга по сути подводит итог многолетним усилиям автора в области сравнительного изучения дравидийских языков (ДЯ). Монография состоит из Введения и двух основных частей — «Фонетики» и «Морфологии», подразделяющихся на 19 глав; она снабжена обширной библиографией. В первой части подробно характеризуются звуки, их эволюция, показываются закономерные соответствия и приводятся реконструкции на уровне промежуточных праязыков и общедравидийского состояния. Во второй части рассматриваются формы словозменения: приводится полный инвентарь форм, встречающихся в привлеченных для исследования ДЯ, исследуются их история и этимология. На протодравидийском уровне реконструируются формы числа, падежные суффиксы, числительные, местоимения, показатели лица, времени, наклонения, дееспричастий, причастий, инфинитива и проч. В книге отражены новейшие дравидологические исследования, включая рукописи диссертаций, защищенных в университетах Индии, препринты неопубликованных работ. В качестве фактического материала в разной степени привлекаются факты всех 25 ДЯ, известных дравидологической науке в настоящее время<sup>1</sup>. По охвату ДЯ и глубине трактовки языковых фактов, а также ос-

новательности выводов настоящая монография, несомненно, превосходит предшествующие аналогичные исследования по сравнительной дравидологии.

Во Введении этимологизируется само наименование «дравидийские языки» [см. также 1] и приводится краткая социолингвистическая характеристика каждого языка этой семьи, в особенности литературных — тамильского, малайяльского, каннада и телугу, на которых в общей сложности говорит около 120 млн. человек преимущественно в Южной Индии. Взаимодействие и взаимоотношения отдельных ДЯ в процессе эволюции дравидийской языковой общности представлены в виде генеалогического древа; ход исторического расселения дравидов и распространения ДЯ по территории Индийского субконтинента иллюстрируется оригинальной картой-схемой. Здесь же в окончательном виде представлена и выработанная М. С. Андроновым генетическая классификация ДЯ.

Во Введении автор отдает должное основоположнику сравнительного изучения ДЯ Р. Кольдуэллу, опубликовавшему свою «Сравнительную грамматику» еще в 1856 г., после чего она неоднократно переиздавалась [2]. С этого времени сравнительное изучение ДЯ насчитывает уже 125 лет. Но при всем уважении к этому классическому труду, оказавшему

<sup>1</sup> В монографии используются факты следующих ДЯ: тамильского (далее — там.), малайяльского (Мал.), каннада (канн.), телугу (тел.), курру, тода, ката,

кодагу, куруба, корага, беллари, тулу, колами, найки, парджи, гадаба, гонди, кодаи, пенго, манда, куи, куви, курух, малто и брауи.